

Поэту Л. Н. Чашечникову

«Мы стареем медленно, но верно...»

Грустно мне – уходит красота.

Что же остается неизменно?

Остаётся в сердце доброта.

Человек и дерево похожи:

Сколько веток на одном стволе!

Дети, внуки (правнуки, быть может) –

Продолженье наше на земле.

Мне судьбы иной уже не надо.

Не сбылось – так, видно, суждено.

Принимаю в дар и как награду

Те дела, что завершить дано.

Принимаю всё, как Божью милость.
Хлеб насущный на моём столе...
И душа, надеюсь, воплотилась
В новой песне о родной земле.

Цветы памяти

Памяти поэта Л. Н. Чашечникова

Вновь синий вечер мне напомнит гжель –
Подарок твой ко дню рожденья давний.
На нём рисунок моря, берег дальний,
На кромке моря под горою ель
Мелькнут внезапно, как кино немое,
Расцвеченное памятью-волною...
Диковинные синие цветы
И плещущее солнце – в лодке ты
И девочка, поверившая в чудо...
Но нет тебя, и век другой давно.
Я плакать о тебе уже не буду –
Пусть будет так, как в жизни быть должно,
Но память о тебе ещё жива,
И для тебя растут цветы-слова,
А что не принял сам из рук моих –
Пусть ангелы любви даруют их.

* * *

Я буду помнить долго-долго –
Моя рука в твоей руке –
Осенний плач берёз над Волгой
И Русь в берёзовом платке.

И шорох тонкий и певучий
Листвы, летящей в тишине.
И сколько выпадет созвучий,
Потом откликнется во мне...

Остудой, дрожью, дымкой синей
Зима потянется к реке.
Быть может, завтра хрупкий иней
Уляжется в березняке.

Но буду помнить долго-долго –
Моя рука в твоей руке –
Осенний плач берёз над Волгой
И Русь в берёзовом платке.

ЧТОБЫ СЛОВО НЕ РАСТРАТИТЬ ЗРЯ

Мы порой склонны идеализировать наше прошлое, и в этом нет ничего предосудительного. Почему бы на расстоянии лет не отбросить всё суетное и мелкое, чтобы ещё раз закрепить в душе всё значительное и непреходящее... из дали прошлого различного значение сегодняшнего, без оглядки назад нельзя жить и работать для будущего. Эти слова Леонида Николаевича Чашечникова стали особенно близки и понятны теперь. Годы идут, многое теряется из виду, но, чтобы не потерять связь с прошлым, я решила поделиться своими воспоминаниями о нём.

Говорят, что случайных встреч не бывает, и если они озаряют всю нашу жизнь, наполняя светом, то это счастье... Судьба подарила мне такую встречу с замечательным поэтом XX века Леонидом Чашечниковым.

В его стихах есть всё: характер и судьба, размышления и сомнения, чувство долга и противоречия. Детство и юность его были далеко не простыми, ведь они были опалены Великой Отечественной войной, и поэтому стихи его получили высокий накал гражданского звучания. Во многом поэзия Леонида Чашечникова автобиографична.

Жизнь моя!

*Ты тем и хороша,
Что досужим меркам
неподвластна.
Всё приемлет жадная душа
И горит-сгорает не напрасно.
В ней шумят Заволжья камыши,
Шелестят леса моей Сибири,
Ей слова мерещатся в тиши
О любви,
о Родине,
о Мире.*

Любовь к Родине – главное в его судьбе и поэзии. «По каким бы городам и весям ни носил меня ветер жизни – Сибирь всегда со мной», – говорил поэт.

Его поэзию высоко оценил Михаил Кузьмич Луконин, известный русский советский поэт-фронтовик. М. К. Луконин родился в селе Килинчи Астраханской области и часто приезжал на свою родину. В одной из таких поездок он познакомился с Леонидом и его творчеством. «Чашечников – лучший поэт среди вас, – говорил он тогда Адихану Измайловичу Шадрину, секретарю астраханской писательской организации, – надо ему помочь переехать в город», а потом сам помог Чашечникову получить квартиру в Астрахани, чтобы тот смог выехать из районного центра – Володаровки. Так эта встреча стала счастливым поворотом в его судьбе. К тому времени вышла вторая поэтическая книга Леонида Чашечникова «Россия. Женщина. Берёза» и готовилась третья «Я вновь про это», которую Луконин, к сожалению, уже не увидел, так как в августе 1976 года он умер. Квартиру в Астрахани в то время получить было почти невозможно. Многие люди до сих пор живут в подвалах, а писателям в наше время уже никогда не дожидаться квартир.

Мы поженились с Леонидом в 1975-м – в Новый год. Моя подруга Оля писала об этом событии так: «...Что в жизни неповторимо, // Мы повторить не прочь. // Уходит подруга с любимым, // Сбежав в новогоднюю ночь...».

Каким же был Леонид Чашечников? Громогласным, шумным, всегда непредсказуемым, мудрым, находчивым и остроумным человеком, искренним и открытым, но всегда «с поднятым забралом», как он о себе говорил. Леонид всегда держал своё слово, а как же иначе? Говорил прямо то, что думал, не стараясь смягчить свои слова. Да, он был взрывным, когда сталкивался с ложью и несправедливостью, а порою и с подлостью. Он любил людей, всегда помогал тем, кто в нём нуждался: нужен был совет – он давал, нужны были деньги – он делился, выручал всем, чем мог на данный случай, и совершенно не был скупым.

Однажды, когда я вошла в здание астраханского Союза писателей, то Адихан Измайлович Шадрин (о нём я говорила выше) сказал: «А Лёня-то твой убежал, вот одни только туфли остались, а его нет». Я поверила. Не сразу поняла, что это розыгрыш. Адихан Измайлович смеялся, а Лёня сидел в кресле и усмехался. По его виду я поняла: буря пронеслась между ними, но всё выяснили, разобрались, и Леонид остался доволен. Он мог бушевать в гневе, но всегда был отходчив. Зла на людей не держал. За его горячностью люди чувствовали его доброту и тянулись к нему. В Астрахани двери у нас не закрывались: обязательно кто-нибудь приходил в гости, когда узнавали, что он дома. Часто бывали писатели Юрий Селенский и Василий Лепилов, приходили родственники и соседи. Приезжали писатели и поэты из Волгограда и Липецка, из Москвы и Омска.

Союз писателей выделил на новоселье нам старый диван и стол (так как себе приобрёл новые), и Леонид обновил диван сам: перетянул пружины, обтянул его красивой плотной тканью, и диван стал как новенький. Уютное приятное обновление в квартире... А стол раскрывался почти во всю комнату, и тринадцать писателей со своими жёнами бывали часто у нас в гостях.

Когда оставались одни, мы долго беседовали за чашкой чая о поэзии, о жизни вообще: чаёвничали «по-чашечниковски», не топясь. В то время достать чай в Астрахани было трудновато, но друзья выручали. Чай заваривал сам. Это был особый ритуал. Он вообще любил готовить и угощать гостей. Беседа за чаем могла затянуться надолго. Мы иногда засиживались за такой чашкой чая до утра. Читали стихи, разбирали каждую строчку его новых стихотворений. Леонид иногда прислушивался к моим замечаниям, доверяясь моей интуиции, но чаще всего поступал по-своему. Он записывал свои стихи на магнитофон, а потом в кабинете слушал.

Леонид много рассказывал о поэзии и поэтах, чаще всего о Есенине и Рубцове.

Иногда дух всемирной поэзии витал на нашей кухне. Если попадались новые хорошие стихи незнакомых поэтов, радовался как мальчишка и делил эту радость со мной. Леонид знал зарубежную, но любил страстно, всем сердцем, русскую поэзию. В нашей библиотеке, которую мы начали собирать совместно, в центре на полке стояли портрет и томики Есенина, а рядом белая роза и чёрная резиновая жаба, которая казалась живой. Быть может, потому что у Есенина были такие строки, что «белую розу с чёрной жабой я хотел на земле повенчать...» По этому поводу гости порою шутили, а Чашечников не обижался.

...Леонид довольно часто уезжал в командировки, и одна из них была особенно ярко – в Мурманск, к морякам. Его радовало общение с людьми. Такие встречи поэту давали новые темы. Он всегда возвращался с новыми стихами.

Ел он мало. По утрам чашка кофе и сигарета. Курил много. А потом его ожидали выступления в городе, в районе, на радио или встречи в редакциях газет, и всё бегом. Он был энергичным человеком. Возвращался домой уставшим, но неизменно довольным. Унывать было не в его характере. Когда оставались одни, порою смешил меня, пародируя людей, их мимику, жесты и характерную для них лексику в смешном виде, и это было так похоже, что я заливалась смехом, а порою иронизировал над собою и надо мной. Думаю, что пародии эти никому больше не показывал. Иногда Леонид, занимаясь домашними делами, пел. Какой же неожиданно красивый, высокий, бархатно-нежный был у него голос. Похожего голоса я не слышала более. Почему неожиданным это было? Ведь у него, когда он говорил, был густой бас, а пел-то он как тенор. Это сама душа его пела. Почему, обладая удивительным голосом, он редко пел? Музыку он любил, чувствовал её, разбирался.

Его предпочтением была классика и джазовая музыка.

Из каждой поездки Леонид привозил не только книги, но и пластинки. Это Поль Мориа, Олег Лундстрем, Луи Армстронг, Glenn Miller, Дюк Эллингтон, Элла Фицджеральд, Мирей Матьё, Шарль Азнавур, Эдит Piaф, Ив Монтан, Джо Дассен, Патрисия Каас, и это далеко не весь список.

Когда он слушал музыку, лицо его преображалось, становилось одухотворённым и красивым. Он любил работать, включая тихонько музыку.

Леониду посчастливилось в Омске слушать молодого Раймонда Паулса. Не с того ли времени он полюбил джазовые импровизации и инструментальную музыку.

Мне казалось, что он мог бы стать хорошим певцом. А мог бы стать хорошим художником. Ремонт в полученной квартире он делал сам. Больше всего удивляли деревянные полы в нашей квартире: Леонид расписал их коврами из роз семи оттенков, причём в зале они были более светлые, нежно-розовые, а в спальне – тёмно-бордовые, а затем покрыл их в два слоя лаком. Гости шутили по этому поводу: «Только бы не помять ваших роз». Свой кабинет Леонид сделал в лоджии, застеклив и утеплив её. Там стоял письменный стол и радиоприёмник.

Вместе с тем его душа была глубоко ранимой, хотя он никогда этого не показывал и терпеть не мог, когда его жалели. Да и не позволил бы никому. Он был мужественным человеком. Я много раз потом в этом убеждалась. Есть в одном его стихотворении такие строчки: «Ребёнок улыбнётся, я и рад». Он очень любил детей. Для меня Леонид был всем, и прежде всего другом.

Чашечников знал себе цену как поэт, не мог не видеть, как неизменно с восторгом люди встречали его поэзию, но себя не превозносил. «Есть гораздо лучше поэты, я трезво оцениваю себя», – говорил он, но не любил, когда его начинали хвалить в глаза, а то и льстить ему, тут он сразу резко, грубо обрывал: «Только дураков хвалят в глаза». Не любил, когда хлопали по плечу, не допускал

фамильярности, панибратства. Ему нравилось разговаривать с людьми, будь перед ним профессор или обычный слесарь.

Астраханских поэтов и писателей знали (их было к тому времени 13 человек). Поэты выступали на сценах ТЮЗа (Театра юного зрителя) и концертного зала – в торжественных случаях, а в другое время – в перерывах перед рабочими, в библиотеках, в цехах, в домах культуры, перед студентами и школьниками. На торжественных вечерах мест свободных не было, пройти было невозможно, так как люди стояли плотно друг к другу. Если Чашечникова долго не было на сцене, то выкрикивали из зала: «Давай Чашечникова!»

Однажды ему пришлось выступать вместе с московским поэтом-фронтовиком, почти что классиком советской поэзии Сергеем Наровчатовым. Это был московский барин, привыкший к почестям и славе. А потом выступал Чашечников. Он был прост и выразителен, говорил горячо, со всей душой, и народ его слушал затаив дыхание, и долго хлопали ему, не замолкая, шумно выражая свой восторг, потому что каждое его слово было болевое, родное, выстраданное. Москвич обиделся, и это было заметно.

В доме у нас было много кассет, записанных на магнитофоне, Леонид называл их рабочими. У меня, к сожалению, нет ни одной.

Многое я поняла, когда Чашечникова не стало. Не воспринимала раньше таких стихов, как «Предчувствие любви», «Я лепил тебя из глины», о котором моя мама говорила: «Дочка, ты у меня не глина», но я только теперь понимаю, что это не совсем живая женщина, но и Муза поэта. «Предчувствие любви» – это дорога к счастью, влюблённость и вера в чудо, это само вдохновение. В этом смысле поэт – романтик, мечтатель. «Я хотел, чтобы ты глядела на мир моими глазами», – говорил он.

Вспоминаю нашу первую встречу, небольшую комнату в редакции, где Клавдия

Холодова, талантливый астраханский поэт, журналист и руководитель молодёжного лито «Высота» в то время работала в отделе писем. Было начало августа – разгар астраханского лета. Мы с Олей, две весёлые подружки-хохотушки, принесли ей стихи. Оля осталась в коридоре редакции, а я влезаю в комнату, смех ещё не замер на моих губах, в руке тоненькие тетрадки со стихами и букет для обожаемой Клавдии Фёдоровны. В комнате стоял сизый дым – она была не одна. Пока она объясняла, что это её товарищ по поэзии Леонид Чашечников, мы смотрели друг на друга, глаза в глаза. Не знаю, что тогда случилось со мной, но, не помня себя, я вдруг выскочила из комнаты, и мы с подружкой пулей вылетели из редакции, как воробьи, а вдогонку нам слышался удивлённый голос Клавдии Фёдоровны: «Куда же ты?» Вот такой была наша первая встреча. А свой сарафан в горошек я и вправду любила. Ещё один похожий сарафан Чашечников привёз потом с Дальнего Востока, где он был в командировке вместе с Шадриным. А вот и стихотворение, я привожу его дословно.

Встреча

*Ничего-то не было тем летом –
Просто в поле таволга цвела.
Просто мимо девочка с букетом
Шла межой и глаз не отвела.*

*Просто посмотрели друг на друга
И застыли враз – глаза в глаза.
Просто вдруг на грудь её упругую
Отдохнуть присела стрекоза.*

*Ничего-то не было меж нами –
Просто в поле таволга цвела,
Просто мимо девочка смешная
Шла межой и глаз не отвела.*

Это было первое стихотворение, посвящённое мне. «Но это ведь было не так», – потом я говорила Леониду, на что он мне ответил: «Кому из читателей было бы интересно, если бы я написал, что мы встретились

в редакции... Ведь главное, что встреча состоялась, и смятение наших душ...» – «Да, это правда», – согласилась я. Так вымысел и правда соединяются в поэзии.

И только осенью я увидела его во второй раз. Леонид Чашечников пришёл на занятие в лито вместе с Клавдией Холодовой, и она познакомила его со всеми. Клавдия Фёдоровна должна была уехать в санаторий и вместо себя попросила своего товарища по перу заниматься с нами, убеждая нас не бросать занятия в лито, дожидаться её, не разбегаться. Я помню, как было жаль с нею расставаться. Леонид Николаевич с нами долго не церемонился и разбомбил всех по очереди, и все наши стихи стали казаться ужасными, а он, выставив нас почти что графоманами, наконец-то отпустил. Мы вышли после занятия оглушёнными. К тому времени каждый считал себя талантом или почти что гением... Клавдия Фёдоровна была с нами мягкой, тактичной, любила нас. Мы занимались с нею сразу после школы, когда нам было по семнадцать, а к двадцати-то годам нас уже печатали в газетах и считали молодыми дарованиями. Кроме стихов я писала и рассказы, два из них были уже опубликованы, а тут... Мы стали решать, что делать, и никто не хотел идти на следующее занятие. Но ведь мы дали слово Клавдии Фёдоровне, и это решило всё. А потом не заметили, как влюбились все в Леонида Николаевича, стали понимать его требования. У мальчишек появились новые темы, и стихи стали нравиться не только самим. Леонид Николаевич ходил с нами смотреть новые фильмы, и потом мы долго их обсуждали. Особенно запомнился всем фильм «Они сражались за Родину». Клавдия Фёдоровна всё задерживалась. Жизнь в лито между тем кипела. Мы проводили вечера, выступали перед строителями в Доме культуры, выступали по городскому радио. После занятий долго не расходились: то обсуждали фильмы, то ходили смотреть выставки художников. Юноши провожали девушек, кто жил рядом, так

как поздно возвращались. А я жила далеко от центра, и меня провожал Леонид Николаевич. Не заметила, как выросло понимание, а затем и дружеские отношения между нами.

Потом, когда стала его женой, я спрашивала, а почему он не подписывал стихотворения, которые были посвящены мне, на что он ответил, что тогда книга утрачивает свою ценность и становится альбомной. Можно поставить два-три посвящения, и то не одному лицу. Этого было достаточно, ведь главное, мы знали друг о друге всё, как в одном из последних стихотворений он писал:

*... Что значим друг для друга мы –
Я знаю. И ни в чём не каюсь.
Ни от сумы, ни от тюрьмы,
Ни от тебя не отрекаюсь,
А все обиды и слова –
Они, как водится издревле,
Слетят, как жухлая листва,
Чтоб в стужу выстоять деревьям.*

Леонид не любил роскошь, а любил простоту и уют.

Вспоминается, как первый раз ехали к родителям Леонида. Это было в феврале. Он всю дорогу пугал меня строгой свекровкой, а я и без того была напугана и смущена. Мы приехали уже затемно. Вошли в небольшой деревянный дом из двух комнат и сеней. Кухня была большая, квадратная, в центре стоял обеденный стол. По одну сторону была кровать, на которой спал его отец, а по другую – шкаф для посуды. Большую часть комнаты занимала русская печь. В другой комнате спала его мать, и в этой комнате было две кровати, стол, этажерка, на которой стоял небольшой телевизор. У окна – сундук старинный, а рядом в углу шифоньер. Вот такая нехитрая обстановка была этого дома. Когда мы вошли в дом, то увидели накрытый стол с пирогами – нас ждали. Помыв руки, мы сели сразу же за стол. Всё было как во сне: разговор за столом, обсуждение гостинцев, привезённых старикам, а потом чай с рыбными пирогами. Меня

спрашивали о родителях, я что-то отвечала. Потом Леонид вышел с отцом покурить, а мы остались. Его мать, как и мою, звали Марией, его сестру Тамарой, а её мужа звали Анатолием, как и моего брата. Да к тому же были сибиряками. Мы вышли из-за стола, сели на лавку возле печи, и тут она обняла меня и заплакала: «Девочка, ты хоть девять классов окончила или нет»? Я уверила её, что мне не шестнадцать лет, просто я так выгляжу, а уже двадцать, и я окончила десять классов. Она долго не могла успокоиться: «Леонид-то мой совсем сдурел – женился на такой молоденькой...»

А потом вошёл Леонид с отцом, и мы снова сели за стол, и теперь я уже не так боялась и разговорилась. Старикам всё было интересно. Вот так и состоялось наше знакомство.

Мы переночевали – и снова в город, где Леонида и меня ждали дела и работа.

Я могу рассказать об истории каждого его стихотворения, его детища, но, может быть, это и не нужно. Нужны стихи, а не альбомность, где всё – читателям, а в поэзии своей Леонид Чашечников отразился весь. Важно, что это большой русский поэт. Хочется вспомнить что-то яркое, характерное, особенное. Как он писал свои стихи? Дома, в кабинете, а порою в дороге, и тогда в блокнот ложились только ему понятные неровные строчки, чтобы потом дома расшифровать их. Было большой радостью, когда единственно нужное слово наконец-то находилось, и он мог выразить свою мысль, и слово это было большой эмоциональной силы, слово-образ, и всё становилось на свои места и читалось уже по-другому. Так драгоценный камень наконец-то становился огранённым под рукою мастера и начинал сиять. В стихотворении прежде всего ценил мысль, ясность и простоту её. «Когда нечего сказать, то лучше молчать... Всё гениальное просто», – любил повторять он. Его речь, как я понимаю сейчас, была народной, сочной, но и литературной, чистой. Леонид ценил богатство русского языка и, казалось,

на вкус и цвет ощущал каждое слово. Это проявлялось не только в его письменной речи, но и в живой разговорной. Пословицы, поговорки и частушки часто использовал, а порою сам сочинял их и некоторые из них использовал потом в поэмах как связующую нить. Василий Макеев, волгоградский поэт, имея в виду характер Чашечникова, говорил: «Ты такой дремучий, а лирика твоя такая чистая, и откуда в тебе это?» – удивлялся он, восхищаясь неизменно... Как же рождались его поэмы? Вначале это были отдельные стихи, а потом он объединял их и подчинял общей цели, и вот они укладывались в единую композицию, дополняя друг друга, как звенья складывались в цепь, и, удивительное дело, – канва поэмы не прерывалась, и речь поэтического рассказа текла, как единая полноводная река, и совсем забывалось, что вначале стихи были независимые друг от друга, самостоятельные.

Всегда удивлялась, как Леонид «не готовился» к своим выступлениям. Представляла себе, что поэты, как и студенты, готовят доклады, рефераты, заранее что-то пишут, а потом зачитывают перед аудиторией подготовленную речь. Нет, Чашечников ничего не писал, и более того, содержание выступлений у него рождалось на ходу, экспромтом. Просто он видел перед собой аудиторию, кто был перед ним, и тут же отмечал названия своих стихов, решая в один миг, что могло бы заинтересовать публику, ставил цифры: 1, 2, 3, 4, 5. Но стихов, прочитанных им, всегда было больше. Причём, когда Леонид читал свои стихи (всегда наизусть), он вставлял между ними вопросы к зрителю, какие-то мысли, высказанные вслух, или маленькие истории, и это было неожиданным и неизменно вызывало интерес к поэту и к его творчеству. Это было, безусловно, талантом общения с людьми.

Неравный брак, наверное, всё же тревожил Леонида как человека и как поэта. «...*Послушайте, она не виновата, что хорошо ей на земле со мной*», – прозвучало

в одном из стихотворений о любви, а в другом: «...*Встречать нелепо радостью беду – // Свою беду, идущую сквозь сплетни. // Но жду её, нетерпеливо жду – // Задумчивый, седой, сорокалетний*». Вначале он поставил слово «чудак», а потом обнажил эту правду словом «седой».

Леонид был сдержанным и немногословным, не любил часто произносить главные слова в жизни человека: Родина, мать, любовь и другие. «Не нужно все употреблять их, чтобы не истёрлись, не обветшали они, как ветошь. Должно быть святое в человеке», – говорил он. И так он относился к себе как к человеку и поэту. Любил слово и дорожил им, поэтому был скуп на слова и бережлив. Иногда среди беседы Леонид неожиданно замолкал, может быть, приходили стихи или какая-то новая мысль, но молчание не бывало тягостным.

Чашечников был мужественным человеком, и это проявлялось в его поступках. За нашу совместную жизнь я могла много раз в том убеждаться и чувствовала не только его понимание и любовь, но и защиту.

И вот один из таких примеров. В один из летних вечеров мы возвращались от моих родителей и ждали трамвая. Недалеко от нас стояли кучкой кавказцы, человек семь, и разговаривали громко на своём языке, добавляя к своей речи русский мат. Леонид тут же прервал их, потребовав, чтобы они не употребляли мат, когда рядом с ними стоит женщина. Они пробовали грубо ему ответить и даже рвались чуть ли не в драку, но, увидев его лицо и глаза, замолчали и отошли. Я тогда очень испугалась за него. Это был поступок настоящего мужчины. Ведь Леонид не отличался внешней силою: не было особых бицепсов, могучего торса, но сила духа была, бесспорно, большой, и люди в такие минуты уступали ему, в чём я не раз потом могла убедиться. «Не сразу таким стал, жизнь научила», – говорил он. Леонид очень тонко чувствовал любую фальшь в людях, терпеть её не мог и сразу взрывался. Дома он

был спокойнее, счастливее. «Мой дом – моя крепость», – любил повторять он. Мы, как и все семьи, имели свои традиции. Новый год был самым главным праздником, справляли наши годовщины. (Он называл меня ласково «маленькой хозяйшккой».) Помню, он уже учился на ВЛК (Высшие литературные курсы), а я – в Астрахани, в госпединституте на литфаке. Он позвонил и сказал, что, возможно, и не приедет, так как приболел. На следующий день я вылетела в Москву. А там узнала, что многие писатели и поэты остались пока в Москве, и занятия ещё продолжались. Оказалось, что и на курсах он тоже был лидером. Некоторые его боялись, а другие уважали. Писатели – народ шумный, общительный, но наступил поздний вечер, и Леонид вышел из комнаты и сказал, что пора спать, и все замолчали. Полная тишина воцарилась на этаже. С ним не спорили.

Леонид был терпеливым и мудрым человеком.

Вспомнился мой день рождения. Пришли мои подруги, с кем я училась на первом курсе в институте. Чашечников приготовил хороший стол, включил нам музыку, чтобы мы танцевали, а сам ушёл в свой кабинет писать стихи. Цветов было вокруг море. Одни стояли в вазах – на шифоньере и секретере, а другие – на полу, на окне – повсюду были цветы. Один букет сирени стоял в кувшине, который подарила ему его сестра Тамара. Кувшин был красивым, в восточном стиле, и он очень дорожил им. Это был подарок.

Мы с Ириной Чекалиной танцевали вальс, и размах нашего танца был почти на всю полупустую комнату. Было весело, и мы совершенно не поняли, отчего кувшин с цветами упал вдруг на нас. Одни ветки сирени на мне, а другие – на Ирине, а кувшин разбился. Мы обе замерли – такая тишина воцарилась вдруг, веселье прекратилось. Что будет сейчас? Ой, что будет?..

Леонид вышел к нам, увидел, что случилось, и сказал, что это был нелюбимый кувшин, что он разбился на счастье: «Танцуйте

дальше, девчата», и – веселье продолжалось. И мне, и моим подругам запомнился этот день. Это был один из самых счастливых дней моей жизни.

А потом Леонид и я долго гуляли по городу, и он читал для меня свои стихи.

Вспомнился и другой случай. Наша группа на литфаке была очень дружной. Осенью вернулись в город после трудового семестра (работали в совхозе), и вот с небольшими деньгами решили поехать в Москву за покупками, а где ночевать, не знали, и я предложила им устроиться у Лёни. Я с ними тогда не поехала, болела, и вот не помню, позволила ему раньше или уже когда они выехали, но только для Леонида это оказалось сногсшибательной новостью. У каждого из писателей была своя комната гостиничного типа, и Леонид уговорил их потесниться, и они освободили комнату для девчат. Встретили их хорошо, накормили, даже организовали поэтические вечера и танцы. Поэты были довольны. Леонид следил за тем, чтобы никого из девушек не обидели. Молодость влюбчива, и мои подруги потом долго вспоминали поэтов и эти танцы.

Леонид Чашечников уважал и любил женщин. А как же иначе? Ведь женская душа открыта для поэзии. А был ли он счастлив? Конечно, да. В нашем мире за всё приходится рано или поздно платить. Поэзия имеет удивительные ключи к нашей душе.

*Не привередлив я по части счастья:
Ребёнок улыбнётся – я и рад,
Одарит добрый человек участием –
В душе весь день фанфары и парад!
Я радуюсь траве,
деревьям,*

небу,

Девчонке, чья любовь – почти беда.

Я к счастью отношусь,

как в детстве к хлебу –

Не ел я хлеба досыта тогда.

Хочется повторять последние строки за поэтом, может быть, ещё и потому, что

Леониду, на мой теперешний взгляд, слишком быть счастливым было совестно, что ли, и к тому же его тянули новые дороги, встречи, хотелось многое ещё успеть написать:

*Устав от счастья и несчастья,
От долгой жизни на виду,
Однажды, в позднее ненастье,
Я к тихой родине приду...*

В этом и было противоречие Леонида как человека и поэта: Любовь ему дала большие крылья, но Поэзия позвала в дорогу.

Благовест

*Сколько стёрто и сколото,
Разбазарено. Так...
А душа – медный колокол,
А душа – не пятак!
То медово возносится,
То набатом – в зенит.
К душам родственным просится,
Всё звенит и звенит
В предрассветную, раннюю,
В предвечернюю хмарь.
...При душе своей раненой
Я – исправный звонарь;
Истой верой прикованный,
Обречённый на грусть.
Жарь, души моей колокол!
Я оглохну, но пусть
Путник выйдет из сутеми
На торжественный звон.
Пусть повяжутся судьбами
Те, кто чист и влюблён!..
Ну и что, что отколото,
Ну и что, что старо? –
Пой, души моей колокол,
Предвещающая добро.*

Леонид Николаевич Чашечников подарил своё выстраданное слово людям, не утратив коренную связь с Родиной.

Светлая память большому русскому поэту.